

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВАХ

THE SOCIAL CONTROL IN NON-TRADITIONAL RELIGIOUS COMMUNITIES

Y. Yakovleva

Annotation

In the article the author has examined the main directions of the social control in modern non-traditional religious communities. The author has also showed that the social control is an effective tool which ensures the reproduction of the non-traditional religious communities.

Keywords: a non-traditional religious community, social control, reproduction of a non-traditional religious community.

Яковлева Юлия Александровна

*К.соц. н., ассистент
Национальный минерально-сырьевой
университет "Горный",
Санкт-Петербург*

Аннотация

В статье рассмотрены основные направления социального контроля в современных нетрадиционных религиозных сообществах: поведение, мысли, чувства верующих и групповые информационные потоки. Автором также показано, что групповой контроль является эффективным инструментом, обеспечивающим воспроизводство нетрадиционных религиозных сообществ.

Ключевые слова:

Нетрадиционное религиозное сообщество, социальный контроль, воспроизводство нетрадиционных религиозных сообществ.

Формирование нетрадиционной религиозной идентичности индивида связано с его ориентацией в процессе духовных исканий на конкретную религиозно референтную группу. То или иное нетрадиционное религиозное сообщество (далее – НРС) приобретает в глазах богоискателя референтный характер в том случае, если оно способно – по крайней мере, на первом этапе групповой идентификации – удовлетворить его социально-психологические и социокультурные запросы. Первые связаны со стремлением человека элиминировать социально-проецируемые проблемы психологического характера (нехватку общения, отсутствие собственной семьи т.д.). Вторые – с необходимостью удовлетворения религиозно-мировоззренческих, эстетических, этических и некоторых других личностных потребностей [см.: 7, 9, 10].

Однако с течением времени НРС может терять былую привлекательность для верующего, о чем свидетельствует свойственное им непостоянство численного состава [9]. Учение, внутригрупповые принципы взаимодействия, нормы поведения в социуме, особенности группового восприятия "основного" общества и другие элементы религиозных новообразований подвергаются новому осмыслению. Объектом интенсивной рефлексии оказываются нравственное состояние совершающих, а также собственные духовные успехи. Малейшее расхождение между наблюдаемым положением дел и первоначальными ожиданиями способно спровоцировать кризис веры, вызвать сомнения в правильности религиозного выбора.

Одних религиозные колебания подталкивают к поиску информации, которая могла бы пролить свет на волнующие их вопросы. Наведение детальной исторической (о культурно-исторических условиях зарождения общины), биографической (основные вехи жизненного пути основателя и последующих руководителей), теологической (наличие заимствований из других традиций, позиция крупных религиозных организаций и отдельных теологов об учении конкретного НРС) справки, а также изучение отношения общественного мнения к данной религиозной новации выступают основными средствами разрешения накопившихся проблем. Другие, испытывая настойчивую потребность поделиться с кем-нибудь своими переживаниями, обращаются за советом к друзьям-единоверцам. Люди с чувствительной совестью, осознавая "еретичность" своих мыслей и действий, приходят с повинной к наставникам в надежде, во-первых, "облегчить душу" и, во-вторых, получить поддержку и духовное ободрение. У импульсивных и решительных личностей закравшиеся сомнения могут поставить под удар их дальнейшую принадлежность к сообществу. Энтузиазм начальной стадии "обращения" сменяется чувствами неудовлетворенности, разочарования, обиды, которые часто подталкивают индивида к выходу из объединения. Если одни покидают НРС тихо, без скандалов и эксцессов, то уход других может сопровождаться открытым разоблачением доктрины, лидеров, организации в целом.

Сомнения, усиленный сбор информации, принятие кардинальных решений и неадекватные (с точки зрения

окружения) поведенческие реакции сигнализируют о наличии у человека когнитивного диссонанса – состояния психологической напряжённости, возникающего вследствие несоответствия (диссонанса) между отдельными когнициями личности (знанием, мнением, убеждением, верованием, ценностями и т. д.) об окружающей (социальной, физической, психологической) среде, приводящего к конкретным действиям. Автор теории когнитивного диссонанса – Л. Фестингер – обращает внимание на следующие моменты: во-первых, когнитивные элементы всегда испытывают влияние определённых реалий, однако (и это, во-вторых) не всегда наблюдается полное соответствие когниций требованиям (ожиданиям) социального окружения, что (в-третьих) заставляет его (окружение) увеличивать своё воздействие на личность в целях достижения когнитивного консонанса [5, с. 25–27].

В нашем случае речь идёт о психологическом дискомфорте, вызванном несоответствием групповых верований, ценностей, установок, целей и т. д. когнитивной системе индивида, в результате чего последний демонстрирует неприемлемое для сообщества поведение (несоблюдение групповых норм, игнорирование предупреждений со стороны "старших", попытки дискредитации учения и объединения в целом, заявления о выходе из него).

Получивший широкую огласку религиозно нетрадиционный опыт Р. Франца (экс-Свидетель Иеговы), Дж. Армстронга (экс-саентолога), Л. Семёнова (экс-мунита) и истории многих других людей, покинувших НРС, известные небольшому кругу лиц, изучающих феномен нетрадиционной религиозности, убеждают в том, что "диссонирующие" последователи способны выступать фактором групповой дезинтеграции как в идейном, так и структурно-организационном отношениях.

Одна из задач руководителей и групповых активистов заключается в своевременном выявлении членов, испытывающих когнитивный дисбаланс, и восстановлении "консонантных" отношений в когнитивной структуре личности. Следует подчеркнуть: изменению подвергается не социальная (в нашем случае – групповая) реальность, а знания индивида об этой реальности и его действия, порождённые процессом познания.

Если выражаться более популярно, регуляция распространяется на мысли, чувства и поведение сторонника конкретной нетрадиционной религиозной общности в целях приведения их к единому знаменателю. Сбалансирование указанных "компонентов" личности направлено в конечном итоге на поддержание её религиозной идентичности.

Работа с мышлением верующих сводится к внесению корректив в процесс осмысления ими доктрины, лично-

стных качеств руководящего звена и рядовых членов, этического кодекса общины, служащего ориентиром поведения с единоверцами (с учётом их статусно-ролевой характеристики), не-членами и различными социальными структурами. Посредством литературы, аудио-, видеолекций и проповедей у последователей развивается убеждение в "божественности" учения и его сотериологической уникальности; альтернативным системам верований приписывается человеческое либо "дьявольское" происхождение.

Самостоятельное изучение вероучительных текстов, без опоры на имеющиеся толкования групповых теологических авторитетов, настоятельно не рекомендуется. В результате независимого исследования могут быть подняты нежелательные для объединения вопросы: например, о противоречащих друг другу доктринальных элементах, неправильном переводе отдельных мест священного для данного сообщества писания и т. д. В целях пресечения распространения "еретических" взглядов запрещается обсуждение возникающих недоумений с рядовыми единоверцами. Для прояснения непонятных идей следует обращаться непосредственно к учителям, которые, в отличие от рядовых верующих, компетентны в данной сфере и официально уполномочены комментировать учение.

Открытые критические замечания – даже конструктивного свойства – в адрес наставников и структуры объединения воспринимаются как угроза принципу послушания, который определяет характер интеракций в НРС.

Кроме того, не будем забывать, что во многих НРС личность основателей и последующих руководителей, как правило, мифологизированы – отчасти самими лидерами, отчасти их последователями – вследствие чего в сознании последних первые наделены божественными атрибутами: безграничной мудростью, всеведением и т. д. Для искренних, ревностных верующих сама идея каких-либо возражений представляется кощунственной. Тем не менее, обсудить появившиеся у того или иного члена предложения возможно приватным образом.

Не поощряются и публичное обсуждение черт характера, поступков и т. д. рядовых адептов, т. к. подобные действия приводят к распространению слухов, возникновению конфликтов, а, следовательно, нарушают групповое единство.

Тема ценностно-нормативной системы, тем более, табуирована, т. к. упомянутая система представляет собой, образно выражаясь, несущую конструкцию здания религиозного объединения. Попытка реконструкции может обернуться разрушением самого здания НРС.

Как видим, религиозные новообразования предпочи-

тают разрешать вопросы своих подопечных "с глаза на глаз". Такая стратегия нейтрализует неблагоприятных членов (а значит и поддерживает внутригрупповой мир), а также позволяет работать индивидуально с сомнениями личности, которые, как мы помним, являются признаком зарождающегося когнитивного диссонанса: устранить или, по крайней мере, минимизировать их путём убеждения в истинности учения, разумности установленных правил, духовно-нравственном прогрессе (пусть и не таком заметном и быстром, как хотелось бы) самого индивида и остальных верующих и т. д. Групповые агенты, осуществляющие социальную регуляцию, добиваются восстановления консонанса между мыслями, чувствами, поведением индивида, их соответствия групповым реалиям (религиозным, этическим, социальным требованиям). В результате человек с полной уверенностью заявляет: "Мы – путь! Мы – истина! Вы, те, кто не с нами, погибли. Мы знаем, а вы – нет" [6, с. 94].

Создание и поддержание психологически уютной атмосферы – одна из главных функциональных задач НРС, связанная с удовлетворением потребностей в братской любви и уважении, дружбе, взаимопонимании, искреннем общении – в общем, в гармоничных межличностных отношениях, недостаток которых и приводит зачастую людей в НРС. Однако было бы ошибкой думать, что реализация этой задачи целиком и полностью зависит от лидеров и членов с многолетним "стажем". Зарубежные и отечественные исследователи фиксируют в религиозных новообразованиях явление, получившее наименование "бомбардировка любовью": интересующимся и новообращённым оказывают явные знаки внимания (делают комплименты: например, хвалят за успехи в освоении доктрины, культовой практики), проявляют о них заботу (помогают освоиться в новом коллективе: знакомят с членами, подбирают место, разъясняют детали религиозных церемоний, обеспечивают необходимой литературой), демонстрируют дружелюбие, братское отношение. Некоторые авторы рассматривают данный феномен исключительно как один из действенных методов, с помощью которого НРС удаётся пополнять свои ряды [2, с. 78]. Согласиться с такой трактовкой можно лишь отчасти. Безусловно, "бомбардировка любовью" – эффективная миссионерская метода. Однако следует отметить, что в некоторых НРС благожелательность – норма внутригруппового взаимодействия, а не инструмент обращения в веру. Посещая в течение длительного времени встречи одной из петербургских общин свидетелей Иеговы с целью проведения включённого наблюдения, мы обнаружили, что взаимные уважение и поддержка, доброжелательность, непосредственность и в то же время деликатность в беседах, забота о престарелых и больных верующих – константа внутригрупповых отношений. В собрании существует своего рода "группа поддержки" (состав регулярно меняется, чтобы каждый мог в него войти), которая посещает заболевших Свидетелей, помогает старикам. Прав-

да, поддержка распространяется только на единоверцев, но важен тот факт, что практическое воплощение братских отношений – возможно, и не всегда удачно осуществляемое – перманентная составляющая деятельности такого дискуссионного сообщества, как "Свидетели Иеговы".

Продолжая рассуждения о психологическом климате объединения, отметим, что он создаётся не только политической руководством, но и усилиями рядовых верующих. Эмоциональное благополучие членов является залогом здоровой атмосферы, в то время, как эмоциональная напряжённость даже одного человека может послужить причиной конфликтных ситуаций в объединении.

Эффективным средством профилактики возможных бунтов, расколов на эмоциональной почве служит индивидуальная или публичная исповедь, которая позволяет верующему поделиться своими обидами, тревогами, страхами и другими негативными эмоциями – фигурально выражаясь, "выпустить пар", а старейшинам (учителям) быть в курсе эмоционального состояния каждого последователя. Задача духовных лидеров заключается в устранении эмоционального дисбаланса, согласовании когнитивной личности. С одной стороны, верующему может быть обещано тщательное расследование нарушений, совершённых конкретным лицом с последующим вынесением наказания (предупреждение, статусное понижение, исключение). С другой же стороны, ему может быть рекомендованы – для избавления от отрицательных чувств – усиленная молитва, медитация и другие релаксирующие техники. Но и в этом случае главным инструментом редукации когнитивного диссонанса будет убеждение – уверенность в несовершенстве людей, необходимости прощать и т. д. – с целью вытеснения определённых чувств.

Другим направлением работы с эмоциональной сферой верующего является развитие веры в то, что вне общества невозможно реализовать духовные потребности: ведь все религиозные институты распространяют "ложные" воззрения, а общество построено на социальном неравенстве, насилии, обмане. Как следствие, среди членов подобных общностей бытует мнение, что достичь высшей цели – спасения – можно только в данном объединении. Обратной стороной такого психологического настроя является боязнь оказаться вне группы в прямом (быть исключённым) и переносном (потерять доверие старейшин и единоверцев, быть "выключенным" из коммуникационных процессов) смыслах, что равносильно лишению шанса на спасение. Поэтому "отступников" воспринимают как духовно "слабых" и "обречённых" на духовную смерть людей. Поддержание связи с "духовными мертвецами" может грозить собственной религиозности; по этой причине сознательные верующие стараются избегать с ними общения [6, с. 88–89, 96–99].

Ценностно–нормативная регуляция поведения верующих – особая статья в политике НРС, предполагающая упорядочение изолированных (вне связи с другими индивидами) действий членов, а также их взаимодействия. К основополагающему групповому правилу следует отнести послушание лицам, официально наделённым властью – правом обучать и воспитывать: старейшинам, наставникам, гуру и т. д. В терминологическом словаре свидетелей Иеговы мы можем встретить даже специальное понятие, описывающее групповую субординацию – "теократическое подчинение", под которым понимается повиновение рядовых верующих старейшинам, старейшин – надзирателям, надзирателей – руководству регионального филиала, идею которого Свидетели усматривают в Библии. В неориенталистских образованиях (например, у кришнаитов, последователей Саи Бабы) беспрекословное подчинение учителю – само собою разумеющееся явление, вытекающее из представлений о "божественности" гуру. Принцип "наставничества", состоящий в полной подотчётности новичка учителю, – краеугольный камень в "Церкви Христа" (Бостонское движение).

Обращает на себя внимание стремление ряда НРС унифицировать внешний вид адептов путём ограничений на одежду определённых фасонов и цветов, аксессуары к ней, модели причёсок, ювелирные украшения и косметические средства. Так, организация обязывает мужчин–Свидетелей посещать собрания только в строгих костюмах (джинсы, свитера, кроссовки, рюкзаки – подходящая одежда для отдыха, но не для встреч), женщин–Свидетельниц – в юбках (платьях) ниже колена. В холлах залов Царства (молитвенных домах свидетелей Иеговы) можно встретить плакаты, наглядно демонстрирующие, какая одежда и в каких ситуациях приемлема для мужчин, женщин и детей. Конечно, это можно расценить как подавление индивидуальности, творческого начала личности. Однако сами НРС относятся к этому иначе: простота и скромность в одежде – как впрочем, и в поведении в целом – позволяет избежать негативных эмоций (осуждения, зависти) в сообществе, а также со стороны не–членов.

Свойственные ряду НРС социально–изоляционистские интенции, продиктованные, прежде всего, неприятием социального неравенства и нравственного релятивизма современного общества, дают себя знать в требованиях полноценной религиозной жизни, подразумевающей серьёзную интеграцию в объединение. В процессе духовного воспитания акцентируется приоритет религиозных функций в ролевом наборе личности: проповедь, оказания всесторонней помощи общине (уборка, ремонт и т. д.) и нуждающимся членам, участие во всех групповых мероприятиях. В этой связи дополнительное свободное от работы, учёбы и прочих "мирских" обязанностей время (праздничные дни, отпуска, каникулы) рассматривается как прекрасная возможность для активизи-

зации своего религиозного служения.

НРС, желая оградить последователей от негативного, как им кажется, влияния светского общества, не поощряют дружеские контакты – тем более, браки – с людьми из "внешнего" мира.

Действенным инструментом регулирования поведения верующих служат позитивные и негативные санкции. Добросовестное исполнение религиозных обязанностей (регулярное участие в культовой и внекультовой жизни общины), соблюдение этических, социальных и иных предписаний в повседневной жизни (в трудовом, школьном, студенческом коллективах, при взаимодействии с различными социальными структурами), а также в процессе внутригрупповой интеракции (подчинение "старшим") поощряются публичной похвалой, должностным назначением. Духовная пассивность, систематические проступки, пренебрежение пастырскими замечаниями, образ жизни, противоречащий групповым нормам морали, заставляют лидеров прибегнуть к различным мерам наказания правонарушителя: от прилюдного выговора до исключения из сообщества.

Возможности осуществляемого НРС социального влияния, направленного на устранение когнитивного диссонанса у последователей, угрожающего их религиозности, существенно расширяет регулирование внутреннего и внешнего информационного потоков. По замечанию Л. Фестингера, "наши поведение и чувства часто изменяются в соответствии с полученной новой информацией" [5, с. 37].

Убеждение членов в "истинности" учения можно отнести к основному направлению работы с внутригрупповой информацией. Для этого предпринимаются попытки рационализации доктрины – её логического объяснения: поясняются отдельные вероучительные элементы, выводится их взаимосвязь; привлекаются (в качестве доказательной базы) исторические и археологические данные и т. д. Параллельно подвергаются критике другие религиозные практики, в основном, традиционные. Хотя программы встреч НРС предполагают совместное чтение и разбор вероучительных текстов, верующие призываются и к самостоятельному домашнему изучению догматики, правда обязательным условием самообучения выдвигается требование использования в качестве подспорья трудов групповых теологов (философов), "пророков". Практика показывает, что рядовой член НРС христианского толка значительно лучше ориентируется в Библии по сравнению со среднестатистическим членом традиционной христианской конфессии.

Выстраивая своё информационное пространство, НРС ревностно оберегают его от нежелательного воздействия извне. Запрету подвергаются любые источники

– печатные, электронные, аудио–, видео, – исходящие от так называемых отступников (бывших членов, покинувших объединение по тем или иным причинам), представителей других конфессий (миссионеров, публицистов, теологов, простых верующих).

Следует подчеркнуть, ценностно–нормативная регуляция – неотъемлемая составляющая любой институционализированной религиозной системы, независимо от её типа (секты, церкви и т. д.) и исторического времени, в которое она возникла. История сектантства свидетельствует о том, что член конфронтационной общности XVI века точно также подвергается мощному групповому влиянию, как и член современной девиантной религиозной организации. Другое дело, что в XVI веке у религиозного объединения было значительно меньше возможностей для своего роста – отсутствие необходимой правовой базы для религиозного плюрализма, скудость "информационного" инструментария для распространения своих идей и т. д. – по сравнению с сегодняшними религиозными образованиями.

Если мы обратимся к эпохе Реформации, то в поле нашего зрения обязательно окажется один из интереснейших эпизодов в её истории, а именно: построение Ж. Кальвином и его единомышленниками теократического города–государства в Женеве, в результате чего сам Кальвин получил ироничное прозвище "женевского папы", а Женева стала именоваться "протестантским Римом". Главная властная структура Женевы – Консистория, – сосредоточив в своих руках светскую и духовную власть, осуществляла жёсткий контроль за образом жизни женевацев. Как отмечает Л.Н. Митрохин, жизнь рядового жителя Женевы оказалась регламентированной до мелочей: культивировался аскетический стиль в одежде (тёмные тона материи, отсутствие украшений),

аскетический подход к питанию, запрещались любые увеселительные мероприятия, браки с неединоверцами и т.д. – то, что сейчас мы называем регулированием поведения [4, с. 116–121].

Таким образом, и для религиозных новаций XVI века (на примере кальвинизма) и для многих современных НРС характерны нравственный ригоризм (повышенные требования к моральным качествам своих последователей, исключение из общины нарушителей групповых норм), религиозный максимализм (провозглашение своих религиозных взглядов как единственно истинных и не подлежащих сомнению, нетерпимость по отношению к представителям традиционных вероисповеданий), социальный изоляционизм (сведение к минимуму социальных контактов с людьми, не принадлежащими к религиозному сообществу, социальное взаимодействие с иноверцами допускается только в случаях большой необходимости: например, когда это связано с обеспечением процесса жизнедеятельности общины). Другими словами, и там, и тут человек оказывается подверженным групповому влиянию, его поведение, мысли и чувства контролируются лидерами (старейшинами, пасторами и т. д.), с одной стороны, и братьями и сёстрами по вере – с другой.

Логика исследования подводит нас к выводу о том, что ценностно–нормативная регуляция с ее сосредоточенностью на поведении, мыслях, чувствах верующих и внутригрупповых информационных потоках выступает действенным инструментом воспроизводства НРС. Являясь неотъемлемой составляющей любого религиозного объединения, групповой контроль в НРС отличается высокой интенсивностью: по отношению к нарушителю и образцовому верующему всегда применяются негативные и позитивные санкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб.: РХГИ, 1997. – 289 с.
2. Дворкин, А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. – Н. Новгород: Братство св. Александра Невского, 2005. – 816 с.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
4. Митрохин, Л. Н. Баптизм: история и современность (философско–социологические очерки). – СПб.: РХГИ, 1997. – 480 с.
5. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса; пер. с англ. – СПб.: Ювента, 1999. – 318 с.
6. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. – СПб.: прайм–ЕВРОЗНАК, 2003. – 400 с.
7. Яковлева Ю.А. Социокультурная привлекательность нетрадиционных религиозных организаций // Вопросы культурологии. – 2009. – № 3. – С. 100–108.
8. Bainbridge W. The sociology of Religious Movements. – N.–Y: Routledge, 1997. – 474 p.
9. Barker, E. Responses to Cults, Sects and New Religious Movements in Western Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusoir.ru/news.php?action=view&id=97> (дата обращения: 15.02.2013).
10. Glock Ch., Stark R. Religion and Society in Tension. – Chicago: Rand McNally, 1965. – 319 p.